

Генерал Мамед Анауский / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Генерал Мамед Анауский / рассказ ГЕНЕРАЛ МАМЕД АНАУСКИЙ

Это были последние километры на пути к победе. На рассвете шестого мая взвод пешей разведки Ягмыра Ниязова, усиленный двумя «сорокапятками» Володи Рубина, вырвался вперед и, прошагав всю ночь по лесу, вышел на широкую бетонную автостраду. Разведчики намеревались выйти на Эльбу севернее города Ратенау, но оказались почему-то восточнее его, на магистрали Ратенау – Бранденбург.

– Черт возьми, опять нас немецкий стандарт подвел, – с горечью проговорил Ягмыр, сличая карту с местностью. – И просеки в лесу одна на одну похожи, и домики, как родные братья, и дороги... Как они сами здесь ориентируются?

– А так же, как ты в своей пустыне, – ответил разведчику Володя. – У вас ведь там тоже бархан от бархана не отличишь.

– Сразу видно, что человек в пустыне не был, – проговорил Ягмыр. – Правда, на первый взгляд ничего в ней примечательного нет, а подойди поближе... О, каждый бархан, каждый кустик – целая история.

– Как дальше будем, старшой? – уже серьезно проговорил Рубин.

– Люди устали. Предлагаю здесь же занять оборону. Вон та опушка вполне подходяща. Подойдут наши – двинемся дальше.

Отдав приказ установить пушки так, чтобы прямой наводкой можно было обстрелять как можно большую часть дороги вплоть до пригорода, а пулеметы – под мостом и вдоль речки, Ягмыр задумался. Надо было выяснить обстановку в ближайшем городе. Последнем городе на пути к победе. В разведку должен пойти человек, знающий немецкий язык. У них в группе немецким владел только Володя Рубин. Его – нельзя. Это Ягмыр знал твердо. Где найдешь еще такого меткого стрелка, как Володя-артиллерист. И Ягмыру ярко вспомнился случай под Варшавой, когда Володя,

заклучив пари, ловко сбил болванкой изоляционный стаканчик, не задев телеграфного столба.

– Нужны добровольцы в разведку. Кто пойдет? – обратился командир взвода к солдатам, уже начавшим рыть окопы.

– Я, – вскочил огромный детина с черными усами.

– Нет, пока не сбреешь усы, никакой разведки тебе не видать, – ответил Ягмыр и по-туркменски добавил, что разведчику придется переодеться в гражданское и пробраться в город.

– А-а, понятно, – блестя добрыми, умными глазами, протянул усач. – Так ведь снять усы – дело недолгое. Я их отрастил на страх врагу. А теперь война к концу идет. Эльба-река совсем близко. Разобьем врагов, и сразу усы сбрую.

– Э-э, Мамед, слаб ты в политике, дружище, – обратился к усачу юркий синеглазый паренек. – Пока на земле будут капиталисты, и враги у нас будут. – И, повернувшись к командиру, вытянулся: – Я пойду в разведку, товарищ старший лейтенант!

– Подумаешь, политик нашелся, – проворчал Мамед. – Главное сейчас – с фашистами покончить...

– Старшой, старшой, наши идут по шоссе! Наши! – закричали вдруг с крайнего наблюдательного пункта.

«Наши? Так скоро? – подумал Ягмыр, настраивая бинокль по глазу. – Может, это соседи слева?»

С востока по шоссе, сквозь сизую пелену утренней дымки, медленно двигалось что-то темное, длинное. Ягмыр огляделся. Солдаты, бросив рыть окопы, с радостными лицами смотрели в сторону приближающейся колонны. Подбежал Володя, взял из рук Ягмыра бинокль, несколько раз поднес его к глазам. Помолчал, как будто раздумывая, но затем твердо произнес:

– Старшой, это не наши.

– Неужели? – Ягмыр насторожился. Еще раз посмотрел в бинокль.

– Да, ты прав. – И, обернувшись к бойцам, негромко скомандовал: – По места-ам!

Радость, всего минуту назад сиявшая на лицах бойцов, сменилась ожесточением. Приближался враг. Командира взвода беспокоила мысль, как долго смогут они удерживать колонну до подхода своих основных сил. До вечера? А вдруг придется биться несколько суток? Володя Рубин в это время оглядывал свое

«хозяйство»: «Снарядов маловато. Зря мы налегке ушли. Зарядить бы сейчас шрапнелью! Ну да всего не предвидишь... Страшновато? Пожалуй, нет. В плену не умер. На Висле не утонул. В Берлине не погиб. Получается, как в сказке про Колобок: «И от деда ушел, и от бабки ушел, и от волка ушел...» Позавчера не убили, вчера жив остался. Вчера... Казюлин... Как он смотрел на меня! Как будто говорил: «Ты вот остаешься, а я уйду». Почему именно он должен был умереть? Почему он, а не я? Что такое смерть? Случайность? Кто из этих вот сотен шагающих будет целиться в меня? Но это уже неважно. Все равно мы победили».

А Мамед, удобно устроившись в уже отрытом окопе, думал, что это, видно, будет последний бой. И что если он останется жив, то поспеет домой как раз к уборке пшеницы. А случись, запоздает, все равно на хармане работа найдется. Пшеницу надо ведь еще обмолотить, а затем провеять. Значит, главное – остаться в живых. А как? Мамед не трус – не зря вон какие усищи отрастил. «Смелого пуля боится...» – поется в русской песне. Хорошая песня, правильная! Приеду домой, буду сыну русскую песню петь: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет!»

Уже можно было различить невооруженным глазом: медленно, один за другим, лязгая гусеницами, по бетонным квадратам шли тягачи, за ними – темно-зеленая колонна фашистов.

Мамед посмотрел в сторону командира. Ягмыр сидел у лафета и что-то сосредоточенно обдумывал, а Рубин, склонившись над прицелом-квадрантом, медленно крутил ручку горизонтальной наводки.

«Надо бойцам сказать, что мы решили подпустить фашистов как можно ближе, – подумал Ягмыр, и в тот же миг у него блеснула новая мысль: – Если подпустим слишком близко, они сразу определят, что нас мало».

– Может, они сдадутся в плен? – сказал он вслух. – Надо оставить им эту возможность. Сколько сдалось от Берлина до Науэна. Нет, не стоит подпускать близко. Как думаешь, Володя?

– Решай сам, старшой. Но, по-моему, ты правильно говоришь, – ответил Володя. – Надо держать их подальше от себя.

– Тогда готовься, – приказал Ягмыр. – Термитными. Прямой

наводкой по тягачам. Передайте по цепи: пулеметы обстреливают пехоту! – Немного погодя, убедившись, что его команда дошла до всех, Ягмыр поднял руку и сразу же резко опустил: – 0-0-гонь! Грохот пушек, взрывы снарядов, трескотня нескольких пулеметов, тоекратно усиливаемые лесом, заполнили все вокруг. Тягачи, подожженные артиллеристами Рубина, сгрудились посреди шоссе и преградили дорогу. Транспортёр, пытавшийся их объехать, перевернулся в кювет. Пехота заметалась в панике.

– 0-0-гонь! – повторил команду Ягмыр.

– Старшой, старшой, они выбросили белый флаг, – закричали командиру с левого фланга.

И действительно, подняв над головой что-то белое, по шоссе шел немецкий солдат.

– Прекратить огонь! – скомандовал Ягмыр. – Рубин!

– Я, – оторвался от пушки Володя.

– Узнай, чего там фрицы хотят?

Рубин подтянул ремень, поправил гимнастерку, приложил ко лбу пальцы (проверил, правильно ли сидит пилотка) и только тогда вышел на шоссе. Сильно постукивая ногами о бетон, он стряхивал пыль с сапог.

– Ишь, прихорашивается, словно к девчонке идет, – пошутил кто-то у него за спиной.

– Правильно делает, – серьезно ответили шутнику. – Негоже советскому бойцу быть в неопрятном виде. Да еще перед фрицем. Вон мы их как... Значит, должны мы быть по всем статьям первые.

А Владимир Рубин уже четким строевым шагом гордо вышагивал навстречу немцу. С минуту был слышен цокот двух пар железных подков. Примерно в двух шагах друг от друга парламентареры остановились.

Приставив к ноге карабин с нательной рубашкой на штыке, немец заговорил:

– Наш генерал просит вашего генерала на переговоры. – Он произносил слова медленно, с расстановкой, наверно желая, чтобы его правильно поняли.

Услышав слова «вашего генерала», Володя усмехнулся, но тут же погасил улыбку, понял, что чуть не выдал себя. Немцы не должны

знать, что советских бойцов здесь всего взвод с небольшим и что никакого генерала с ними нет. Подумав, он решил выиграть время:

– Генерала могу заменить я. Ведите меня к своему генералу, я дам ему исчерпывающий ответ.

– Наш генерал не станет говорить с офицером ниже его по званию, – резко ответил немец.

– А... Тогда ему придется обождать. Наш генерал вместе со своим штабом выехал на встречу с союзниками. Мы сейчас же радируем ему о просьбе вашего генерала, – на ходу сочинил Рубин.

– О согласии вашего генерала дайте нам знать, – сказал немец.

– Хорошо. Если он согласится, мы просигналим белым флагом. В подтверждение своего предложения вы ответите нам тем же сигналом. Договорились? – спросил Володя.

– Яволь!

Парламентеры почти одновременно сделали поворот «кругом» и зашагали каждый к своим.

Рубин подробно доложил командиру взвода о ходе переговоров.

– Ты поступил правильно, Володя, – сказал Ягмыр. – Но таким образом мы можем задержать их час, полтора. А потом они поймут, что их обманули... – Он посмотрел на карту. – Если наши вышли сейчас из леса... Это, наверное, километров двадцать пять с лишним...

– Здесь они будут не раньше чем часа через четыре, – продолжил мысль командира взвода Володя.

– Да, – согласился с ним Ягмыр. – Эх, черт, где же взять генерала?

– Вас, старшой, возведем в генералы, – предложил один из артиллеристов. – Идите и поговорите с ними. Видимо, сдать решили фрицы. Чувствуют – конец им.

– Нет, – усмехнулся Ягмыр, – моя физиономия не подходит. Для генерала я слишком молод.

Сказав это, Ягмыр стал оглядывать своих бойцов: «Как назло все молодые», – с огорчением думал он. И вдруг глаза его оживились.

– Рубин! Володя! Есть генерал! Нашел! Давай сигнализируй: генерал дал согласие на переговоры.

– Постой, ты кого имеешь в виду? – спросил Рубин.

– Мамеда-усача! Чем не генерал! Правда, он еще своего согласия не дал, – лукаво прибавил Ягмыр, – но мы надеемся его уговорить.

Весь «гарнизон» единодушно одобрил кандидатуру. Возражал только один Мамед.

– Бросьте шутить, – сердился он. – «Всякая шутка – начало зла», – говорит туркменская пословица. Воевать так воевать, а вы тут вздумали черт знает что!

– Это не шутка, если хочешь знать, – сердито оборвал его Ягмыр, – а боевое задание. Ясно? Задание быть генералом! Немецкий генерал хочет сдаваться только генералу. И мы должны предоставить ему эту возможность. От того, насколько хорошо ты будешь играть свою роль, зависит жизнь многих людей. В том числе и твоих товарищей. Понимаешь? – уже мягче прибавил комвзвода.

Мамед долго стоял в растерянности. Затем умоляюще посмотрел на Ягмыра: «Избавь меня от этого, земляк. Дай любое другое задание».

– Сейчас же выщиплю усы, только не посылай – боюсь, – признался он по-туркменски.

– А я считал тебя, Мамед, серьезным человеком. А ты... Шутки в сторону, – снова посерьезнел Ягмыр. – Приказ есть приказ. За невыполнение приказа в такой обстановке... – не договорив, старший лейтенант кашлянул.

– Сразу бы так ясно и сказал, что приказ, – наконец согласился Мамед.

Теперь нужно было подать немцам сигнал. Еле нашли сравнительно белую нательную рубашку. Ее сняли с наводчика, недавно вернувшегося из госпиталя. Быстро орудуя ножом, Рубин соорудил флаг и, выйдя из леса, прикрепил его к придорожному столбу. В ту же секунду в расположении немцев выбросили ответный сигнал. Когда Рубин вернулся к своим товарищам, там полным ходом шло одевание «генерала». В боевой обстановке в целях маскировки генералы зачастую не носили полную форму. Не раз даже самого Рокоссовского бойцы видели в легкой кожаной куртке и в галифе без лампасов. Теперь эти сведения пригодились, и со всех

сторон в адрес Мамеда сыпались советы. Где-то нашли куртку. Но она была настолько потерта, что никак не походила на генеральскую. Диагональное офицерское галифе Ягмыра еле натянули на могучие икры Мамеда.

– Голени-то голые, – заметил кто-то.

– Сапоги закроют! – успокоил другой.

– А генералы кирзовых сапог не носят!

– В самом деле! Но где возьмешь сейчас шевровые сорок пятого размера? Ягмыр озадаченно поскреб затылок.

Выход нашелся.

– Я видел генерала в маскировочном халате, – крикнул сверху, с дерева, снайпер, держащий на прицеле штабную машину немцев. – Вот точно в таком, как у меня.

Зеленый с коричневыми разводами маскировочный халат закрыл и кирзовые сапоги, и погоны, и снятую с ездового артиллерийскую фуражку. Оставили открытыми только лицо и грудь Мамеда. На его широкой груди уместились почти все ордена разведгруппы: слева шесть орденов Красного Знамени, справа, в два ряда, – ордена Отечественной войны. Медали вешать не стали.

– Здравия желаю, товарищ генерал!

– А ногти, – сказал Рубин, – не похожи на генеральские. Грязные.

Два солдата спешно начали приводить в порядок ногти Мамеда. Ягмыр тем временем его инструктировал:

– Наше условие – только безоговорочная капитуляция. Пусть все оружие сложат у дороги, в кювет. Понял? Да смотри не заикайся. Генералы говорят четко. Если трудно будет по-русски, говори по-туркменски. Лейтенант Рубин все переведет как следует. Держись гордо. Знаешь, как победивший пальван на тое.

Мамеду вдруг вспомнилось, как он в колхозном драмкружке играл роль бая. Для солидности ему привязали тогда усы, которые очень мешали говорить. А теперь у него усы настоящие. И придется ему играть не бая там какого-нибудь, а советского генерала. И вовсе это не игра, а серьезная штука. Кровь прилила к лицу, щеки стали ощутимо тяжелыми. Может, это сон?

– Ну, марш! – скомандовал Ягмыр Ниязов.

Мамед вышел на шоссе. По обеим сторонам, с отступом на

полшага, стали его помощники: слева – солдат с белым флагом, справа – Рубин.

Из-за дымящихся тягачей в сопровождении двух офицеров вышел немецкий генерал. Он шел, далеко выкидывая вперед левую ногу. «Как на параде», – подумал Мамед.

– Пошли, – шепотом скомандовал Рубин.

Мамед хотел, как положено – с левой, сделать красивый шаг, но, замешкавшись, шагнул с правой и споткнулся на ровной бетонной глади. Взглянув на товарищей, он тут же выровнялся и, четко печатая шаг, пошел навстречу фашистскому генералу. А в голове все время вертелись непривычные, труднопроизносимые слова: «Безоговорочная капитуляция... капитуляция... капит... или капут?.. Капит...уляция. Наверно, от слова «капут» – конец. Конечно, капут им. Ягмыр же сказал: капит...уляция. А, понятно! От слова «капит...ализм»: Комсорг говорил как-то: «Капитализм все равно должен погибнуть...»

Расстояние уменьшалось. Вскоре можно было даже различить белый шрам на лице фашистского генерала, идущий от левого глаза к подбородку. И, как бы продолжением его, на груди висела клинообразная, грязного цвета лента с «железным крестом». Незаметным движением Мамед распахнул маскировочный халат, открывая свою грудь, усыпанную орденами. Шагах в пяти друг от друга обе группы остановились. Немец, выкинув правую руку вперед, что-то гаркнул. Рубин перевел:

– Генерал Иоахим фон Шлюбке Магдебургский. – И тихо добавил: – Магдебургским назвался потому, что он там родился. Придется и тебе ответить, кто ты такой. – А про себя подумал: «Вот сейчас ляпнет!..»

– Генерал Мамед Анауский! – громко и четко произнес Мамед. Переводя на немецкий, Рубин подумал: «Для начала не плохо».

– Так вот, генерал, – заговорил снова немец, – эта злая комедия идет к концу. Я предлагаю разумный финал. Спротивляться вам мы не будем при одном условии: вы беспрепятственно пропускаете моих солдат и офицеров. Мы решили сдаться в плен вашим союзникам – американцам.

– Генерал хочет, чтобы и овцы были целы, и волки сыты, – перевел Рубин. – Просит, чтобы не задерживали их. Наверно,

натворил дел, боится в наши руки попасть.

– У нас одно условие – безоговорочный капут... – Мамед кашлянул,
– ...капитуляция.

Немец заговорил раздраженно и быстро. Пока он говорил, Мамед думал: «Чего он все трещит? Шрам-то как дергается... Видно, он и в самом деле нас боится! Натворил дел, как лейтенант говорил... Дел натворил... – Мамеду стало жутко, когда он представил, каких дел натворил фашист. – Вот гад, хочет уйти теперь от ответа! Нет, не уйдешь, шайтан».

Рубин переводил слова немца, говорил что-то о родине солдат его дивизии, что, мол, они родом из-за Эльбы. Но Мамед не слушал, он всецело был поглощен своими мыслями.

– Все, – прервал он Рубина. – Пусть слушает мои слова. Даю один час. Пусть оружие сложат в кювет. И пусть прикажут своим солдатам столкнуть с дороги вон те подбитые арбы. Скоро наши танки пойдут!

Когда Рубин перевел слова Мамеда, немецкий генерал бросил в ответ что-то резкое, повернулся на каблуках и зашагал прочь.

Мамед со своими спутниками тоже повернул обратно.

– Что немец напоследок прогавкал?

– Сказал, что предпочитает смерть на родине той же участи в Сибири, – ответил Рубин.

Вернувшись, лейтенант доложил Ягмыру о переговорах. Мамед в это время отцеплял и возвращал товарищам ордена.

– Старшой, немцы зашевелились, – сказал кто-то из бойцов.

– Не спускать глаз с противника, – отдал приказание командир взвода.

А немцы действительно стали небольшими группами перебегать дорогу и прятаться в складках местности. Но в лес войти боялись. Ни с той, ни с другой стороны выстрелов слышно не было. Черная тень большого клочковатого облака накрыла вдруг четырехугольную поляну, разделяемую автострадой на два треугольника.

– Смотри не теряй генерала, – сказал Мамед снайперу, удобно устроившемуся на дереве. – А лучше покажи мне примерный ориентир, где он спрятался. Вместе будем охотиться на фазана.

Взвизг пули прервал его. И пошла трескотня. Немцы решили

прорываться не по дороге, а немного стороной. Оказывается, по автостраде шла наша танковая колонна. Сбылась фантазия Мамеда! Заскочив в лес, немцы сразу поняли, что советских бойцов здесь мало, и стали убегать в глубь леса, к хуторам.

Снайпер с криком «Генерал ушел!» спрыгнул с дерева и тоже помчался к хуторам. Мамед последовал за ним. Вскоре они остановились у домика, покрытого красной черепицей.

– Здесь твой генерал, – сказал снайпер.

Но Мамед уже бросился на землю и стал ползком подбираться к дому. Снайпер не отставал от него. Остановились у окна, прислушались. В доме явно кто-то был: слышалась возня, побряхтывание. Заглянули в окошко: один, в нижнем белье, ковыряется в платяном шкафу, а другой натягивает штаны. Мамед дал очередь из автомата поверх их голов, выбил окно и мгновенно очутился в комнате. Генерал стоял в солдатской одежде, только брюки не успел застегнуть. При виде усача он остолбенел. Шрам от уха до подбородка стал фиолетовым, словно кто-то провел чернилами по его щеке. На полу валялся генеральский мундир. Мамед огляделся вокруг, улыбнулся, косо взглянул на генерала и, покачав головой, сказал:

– А... фон Магдебургский! Вот, значит, какие дела! Я, советский солдат, вынужден быть генералом, а ты, генерал, – солдатом.

– Яволь, яволь, зольдат. Их бин зольдат, – почти шепотом произнес фашист.

Прошли годы. Один из авторов многотомной «Истории Отечественной войны», молодой способный историк, перелистывая подшивку мюнхенской газеты «Зюддойче цайтунг», натолкнулся на интересный материал. В нем говорилось, что переданный властям Западной Германии для дальнейшего отбывания наказания военный преступник генерал Иоахим фон Шлюбке Магдебургский давал интервью журналистам о пребывании его в советских лагерях для военнопленных. Очень сожалел, что в конце войны ему не повезло: он был всего в нескольких километрах от Эльбы, и, сумей преодолеть их, не быть бы ему на скамье подсудимых, а сидел бы он в министерском кресле, подобно Шпейделю и другим.

– Что же или кто помешал вам пройти эти роковые километры? – спросили корреспонденты.

– Генерал Мамед какой-то, усатый. Он сам, лично, взял меня в плен, – буркнул фашист.

Молодой историк, прочитав такое сообщение, обрадовался. «Наш генерал сам полонил фашистского генерала. Это же подвиг, достойный войти в анналы истории!» – воскликнул он и тут же написал запрос в Управление кадров Министерства обороны СССР. Неделю спустя пришел ответ, в котором сообщалось, что два генерала по имени «Мамед» были кавалеристами и воевали на Кавказском направлении. Один генерал Мамед погиб под Москвой. Генерал Мамед Юсубов служил в железнодорожных войсках. А в направлении, о котором идет речь, об участии в боях генерала по имени Мамед никаких данных в архивах Министерства обороны не имеется.

Никто, конечно, не знает о том, что «генерал Мамед Анауский» вот уже двадцать лет пасет колхозную отару в родном ауле. На груди его рядом с боевыми орденами красуется орден за славные подвиги в труде. Никогда никому из односельчан Мамед не рассказывал, как ему пришлось быть генералом поневоле. А то даст еще кто-нибудь прозвище «Генерал Мамед Анауский», и пойдет...

Сейитныяз АТАЕВ.

Перевод Т.Павловой. НекауаӀар